

Михаил Третьяков

Площадка

Михаил Третьяков

Площадка

«Автор»

2022

Третьяков М. Ю.

Площадка / М. Ю. Третьяков — «Автор», 2022

Вот уже больше полугода идет непрекращающийся дождь. Происхождение этого явления неизвестно, а его действие непредсказуемо. Все это время люди вынуждены ходить по улицам в защитной экипировке, не пропускающей ни капли опасной жидкости. Ученый-биолог пытается разобраться в причине того, что именно в осадках оказывает влияние на людей, но только после того, как его друг подвергается действию дождя, он начинает догадываться, что тайна происхождения ливня куда опаснее, чем он думал.

Содержание

Пролог	5
День 191-й. Пятница	7
День 192-й. Суббота	16
День 193-й. Воскресенье	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Третьяков

Площадка

Когда дети будут смотреть на великих ученых так же, как они смотрят на знаменитых актеров и музыкантов, человечество совершит большой прорыв.

Брайан Грин

Пролог

За окном идет дождь. В общем-то, в этом нет ничего необычного, кроме одного: он идет уже седьмой месяц, не переставая ни на секунду. Все, кто хотел и мог, давно уехали – остались только те, кому некуда уезжать и у кого нет возможности и желания бросить привычный уклад. Люди ко всему привыкают, привыкли и к этому бесконечному ливню.

Даже не верится, что в мире есть место, где не идет этот распроклятый дождь. Иногда по ночам громыхает и сверкают молнии. Хочется верить, что это скорые предвестники окончания ненастья, но по опыту можно точно сказать, что нет.

У любого действия есть последствия, и у этого дождя они тоже есть. На улицу приходится выходить постоянно экипированным в резиновые сапоги и непромокаемую одежду, максимально защищающую все части тела. На лице – маска с водоотталкивающей пропиткой, плотно прилегающие пластиковые очки, закрывающие лицо, а на руках – резиновые перчатки. Хочется верить, что когда-нибудь осадки закончатся, но с каждым новым днем надежда угасает.

Эффект от дождя проявляется не сразу и чаще является кумулятивным, то есть необходимо или систематически подвергаться его воздействию, или же получить большую дозу – тогда-то в организме и запускается некий механизм. Причем самое странное, что реагируют люди двумя различными формами поведения, и до сих пор невозможно предсказать, какая именно разновидность проявится у того или иного индивидуума.

Развитие заболевания – назовем его пока именно так, хотя официально оно не признается, – связано с двумя симптоматическими признаками. Результатом взаимодействия с дождем у большей части людей становится его обожествление. Разговоры тем или иным образом связаны с водой и в конечном счете с косохлестом и его пользой. В действиях наблюдается повышенная открытая агрессивность по отношению к группе заболевших с диаметрально противоположной симптоматикой. Несмотря на то, что дождь считается благом, защитные средства все равно используются.

Вторая группа людей, подвергшихся действию дождя, проявляет антагонистическое поведение относительно первой. Также она максимально старается избегать возможности какого-либо взаимодействия с проливнем, при этом разговоры тоже связаны с водой – но в отрицательном контексте. Группа заболевших пытается добиться от мэрии города открытого расследования причин дождя, выступает с пикетами привлекая внимание общественности.

* * *

Капли разбиваются об асфальт с монотонным звуком, но даже в нем, как мне кажется, есть какое-то послание, потому что в каждом дне – своя уникальная периодичность, будто бы кто-то через капли азбукой Морзе пытается что-то до нас донести, а мы пока не поняли этого и не расшифровали код. Звук – еще одна характерная черта этого явления. От него нельзя нигде укрыться, звук разбивающихся капель преследует неотступно.

Именно поэтому каждую ночь я засыпаю под звук дождя и каждое утро просыпаюсь под него же. В мире не осталось ничего, кроме вечного серого неба днем и черного ночью. Ну и, конечно же, косякслеста. Хорошо, наверное, только растениям, хотя и они, как мне кажется, уже устали.

День 191-й. Пятница

Утро началось как обычно. Как обычно начинается уже сто девяносто первый день.

Проснулся под звук падающих капель. Посмотрел на часы: четыре утра. Снова громыхало. Спать не хотелось. Лежал в кровати. Думал о работе, чтобы не думать о ней. И все равно, так или иначе, мысли соскальзывали к женщине, которую, как мне кажется, я... нет, не люблю – это слишком пошлое и банальное слово, чтобы описать палитру чувств, которую я испытываю к ней. Видимо, стоило жить и ждать двадцать лет, чтобы встретить ее снова.

Парадокс ситуации заключается в том, что сейчас, находясь в положении, когда можно позволить себе не заботиться о зарабатывании денег, я вдруг столкнулся с проблемами, которые в итоге невозможно решить.

В тридцать восемь лет трудно найти человека настолько близкого и родного, чтобы тебе захотелось разделить с ним остаток жизни; такого, с которым легко и хочется каждый день просыпаться в одной постели. Но когда я уже потерял надежду, что это когда-нибудь произойдет, появилась она.

Можно, наверное, описать ее лицо, губы, глаза, руки. Ах, эти руки и музыкальные пальцы, словно созданные для того, чтобы с непоколебимой уверенностью нажимать на клавиши фортепиано! Можно бесконечно смотреть, как они держат телефон, как касаются клавиатуры. Очень хотелось бы взять и держать их в своих ладонях, чтобы ощущать каждым миллиметром кожи, соприкасаться с ними. Как даже такая незначительная малость может принести мне счастье? Но я точно знаю, что может.

Глаза... Какие бездны тайн скрываются в черных умопомрачительных водоворотах зрачков, какая грусть!.. Правильный овал лица. Губы всегда немного в усмешке, от которой ощущаешь себя идиотом. Прямые длинные темные волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Нос, который сочетает в себе простоту и изящество, вздернут именно настолько, чтобы подчеркнуть его красоту, но не настолько, чтобы дать кому-то почувствовать превосходство его обладателя над другими. Хочется бесконечно смотреть и наслаждаться просто самим присутствием этого человека, но...

Время летит незаметно, особенно тогда, когда думаешь о чем-то, что приносит тебе удовольствие, но сегодня необходимо ехать на площадку и делать измерения приростов экспериментальных растений. Еженедельная рутинная работа требует больше всего усилий, но и приносит максимум результатов.

Да, забыл упомянуть еще о нескольких странных особенностях, связанных с этим загадочным явлением. Как только начался мороз, в магазинах стали пропадать некоторые продукты. То ли их перестали возить к нам сюда, то ли перестали заказывать. А еще дождь влияет на некоторые предметы, сделанные человеком: так, например, совершенно перестали работать определенные марки сотовых телефонов и полностью исчезли запчасти для некоторых устройств. Но стоит ли думать об этом, когда вокруг тебя становится все меньше адекватных людей и все больше больных, которых хочется пожалеть и полечить, – правда, я не знаю как.

Хотя дождь и не смог пока повлиять на меня, но все-таки он что-то изменил внутри, сделал меня более циничным, и, возможно, если бы я снова не встретил ее, то давно бы уже потерял интерес к жизни. Гранью между желанием жить, желанием что-то понять и изменить стала она, точнее, не совсем она, а скорее ее придуманный образ.

Еда давно уже потеряла для меня вкус, никакие действия не приносят радости, и, только когда я встретился с ней, появился какой-то незначительный, но при этом настоящий смысл жить, жить вопреки всему.

Опять. Я снова скатился к мыслям о ней, и это нормально, в этом нет ничего постыдного – думать о человеке, которого любишь, или о человеке, про которого думаешь, что ты его

любишь. Главное – не мешать этому человеку жить, не душить его своими чувствами и признаниями, а наслаждаться именно ощущением того, что есть кто-то в этом слякотном городе, ради кого тебе хочется продолжать свое существование.

Раздается телефонный звонок. Это Андрей.

– Я внизу. Ты скоро?

– Подымайся.

– Хорошо.

Встаю с кровати и открываю дверь. Андрей заходит. С него капает вода. Он смотрит на меня удивленно и говорит:

– Ты еще не готов?

Я пожимаю плечами. Времени уже пять часов, а нам ехать в оба конца часа три, да еще топтать полтора километра по грязи.

– Ты хочешь успеть вернуться на работу?

– Не особенно.

– Ну тогда не будем торопиться.

– Хорошо.

Андрей снимает дождевик и вешает его на плечики.

– Яичницу будешь?

– Можно. А кофе прилагается к яичнице?

– А то.

На кухне весело горит газ. На плите чугунная сковородка. Масло медленно тает и растекается по дну, а затем на черную поверхность падают – словно парашютисты из четырех самолетов – яйца. Их приземление ничем не омрачено. Желтые глазки целы и не растекаются. За яйцами на сковородку отправляются душистый бородинский хлеб и нарезанные кусочки колбасы. Нарезать так самому нереально – так тонко, что, когда ты отрываешь один круглый кусочек от другого, он, словно бы не желая расставаться с остальными, тянет за собой сало предыдущего. Брауншвейгская колбаса в нарезке умопомрачительно пахнет и так вкусна, что от нее нельзя оторваться. Андрей наклоняет банку с кофе и насыпает его в кружку, указательным пальцем совершая качательные движения. Благодаря его многолетней сноровке каждый раз высыпается одно и то же количество. Затем он берет закипевший чайник и наливает воду в кружку. С моей чашкой он проделывает точно такие же манипуляции. И я даже спиной чувствую, как он открывает холодильник, достает бутылку молока, взбалтывает его так, чтобы оно запузырилось, а потом добавляет в кофе, отчего получается словно бы капучино.

Я ловко вытаскиваю тарелки и разрезаю яичницу пополам. Мы оба в молчании едим, запивая еду кофе. Именно ритуалы позволяют нам оставаться теми, кто мы есть на самом деле. Утренний кофе – это наш неотъемлемый ритуал. Разговоры сейчас не нужны, у нас впереди еще три часа дороги и времени наговориться всласть.

Последние три недели приходится каждый день рано вставать и работать до самого вечера. Еще и дождь своей монотонностью высасывает силы, так что даже кофе уже не бодрит, а только создает иллюзию временного прилива сил. Очень много на нас навалилось в этом году. Может быть, это и хорошо. С работой сейчас трудно, да я и чувствую себя легче, когда живу в таком режиме: думать совершенно некогда, потому что, как только я начинаю думать, мои мысли скатываются понятно к кому.

Андрей моет посуду, а я застилаю диван и одеваюсь. В прихожей мы надеваем дождевики, от которых сразу становится душно, ну и остальные аксессуары эпохи дождя: очки, маску, резиновые сапоги. Я беру пластиковый чемодан с оборудованием и, конечно же, зонт – неизбежный атрибут любых полевых исследований, связанных с приборами при нынешней погоде.

Спускаемся вниз. Открываю дверь подъезда, и на меня обрушивается шепот, словно тысяча людей одновременно тихо говорит что-то один другому. Закрываю глаза и вслушива-

юсь. Пытаюсь поймать и уловить хотя бы какие-то знакомые слова – ничего. Мозг перестраивается, и шум дождя становится фоновым, практически неслышимым звуком. Теперь можно идти.

Дождь не прекращается, но и лужи почему-то не увеличиваются. До машины недалеко. После того как начался дождь, в городе стало немного меньше машин и появились свободные места для парковки, вот Андрей и воспользовался одним из них.

Садимся в старенькую, но верную букашечку Андрея. Еще один ритуал: давать имена неодушевленным предметам – может быть, для того, чтобы как-то сблизиться с ними, чтобы договориться с тем, с кем невозможно договориться никогда. Сколько раз букашечка вытягивала нас, когда казалось, что уже невозможно вырваться с заезженной колеи и придется ночевать в поле, мне уже не сосчитать.

Андрей крутит ключ зажигания, и двигатель набирает обороты. Ласково кладет руку на пластик приборной доски и с нежностью говорит: «Еще один день, букашечка». Включает рециркуляцию воздуха в салоне и протягивает мне тряпку, чтобы я протер запотевшие стекла со своей стороны.

Мы едем. Дождь нещадно бьется о наш автомобиль, словно пытаюсь столкнуть его с дороги, затянуть в кювет и оставить умирать, но букашечка сопротивляется, а мы вместе с ней.

Разговор начинает Андрей:

– Может, плюнуть на все?

Мне не надо объяснять, что он имеет в виду, я и так знаю, о чем мы говорим.

– Может, и плюнуть. Кто я такой, чтобы что-то тебе запрещать? Мы все свободные люди, живущие в свободной стране.

– То есть ты думаешь, что так будет лучше?

– Лучше для кого?

– Лучше для тебя.

– В смысле? Мы же сейчас о тебе говорим?

– Ну, давай предположим, что о тебе. Почему ты не хочешь сдаться, почему не хочешь отступить?

– Понимаешь, какое дело: я ведь не знаю, кем стану. И дело даже не в том, кем из двух групп, вопрос-то ведь в другом: а буду ли это я или кто-то другой?

– Почему ты думаешь, что будет кто-то другой? Ведь все, кого мы видели, ничего не забыли, да и действуют, как всегда, только еще одна шиза добавилась.

– Знаешь, мне вообще иногда кажется, что это явление неприродного происхождения.

– Какая разница, какое происхождение у этого явления? Это же невыносимо – жить в постоянном страхе от того, что на тебя попадет дождь, от того, что произойдет с тобой потом, и от того...

Он машет рукой и замолкает. А я пытаюсь собрать все мысли в тугий клубок, чтобы вытащить ниточку, которая поможет Андрею и мне не заблудиться в лабиринте дождя.

– Я долго думал, как начался этот дождь. И знаешь, что я понял? В природе существует множество внешних факторов, влияющих на поведение животных, включая и те, о влиянии которых мы можем еще и не знать, потому что у нас нет приборов для их измерения. Но факт остается фактом: животные гораздо чувствительнее нас, а мы словно бы утратили эту функцию, и вот теперь нам ее вернули. Словно бы дождь включает в людях какой-то выключенный ген.

– Ген, отвечающий за что?

– Да так ли важно, за что? Важно, что ничего сделать ты не можешь. И именно это бессилие перед окружающей действительностью пугает меня больше всего. Страшно видеть, как близкие и знакомые люди превращаются в чудовищ, готовых загрызть друг друга ради того, чтобы доказать, что правда на их стороне, а не на противоположной. А я не хочу быть на чьей-то стороне, я хочу разобраться, что происходит, хочу понять, почему и зачем идет этот дождь

и как его остановить. Понимаю, что остановить его невозможно. Но, может быть, хотя бы возможно сохранить разум.

Ты же видишь, что людей, не подвергающихся действию дождя, с каждым днем становится все меньше. Обрати внимание, что те, кто поддерживают дождь начинают уничтожать противников холодно и методично. Принцип конкурентного исключения Гаузе никак не обойти.

– Так, может, есть смысл присоединиться к большинству?

– Ну, если рассуждать такими категориями, то тут ты тоже рискуешь попасть впросак. В целом нам с тобой уже понятно, какая форма поведения становится доминирующей, вопрос только в том, как ты отреагируешь на дождь?

– Да, неясно, но проверять не хочется. Ты как считаешь, на чьей стороне правда?

– Правы и те, и другие.

– Это как? Тут надо выбирать, отсутствие выбора невозможно.

– А как же мы?

– Это все вопрос времени. Мы просто взяли паузу, но когда-нибудь она закончится.

– Решать не нам, решает, по всей видимости, дождь. Перед нами очередная аксиома Эскобара. Такой выбор мне напоминает выбор улитки-янтарки, которую паразитический червь заставляет выползать на открытые участки и верхушки растений, а ее рожки делает похожими на червяков. В результате улитка съедается птицей, а паразитический червь проходит следующую стадию своего развития. Так вот, мне не хочется быть такой улиткой. Вначале я думал, что интеллект является ключевым фактором, определяющим форму поведения. Большинство почитателей дождя – люди примитивные и простые. Но последнее время к ним стремительно стали добавляться и те, кто занимается умственным трудом, и вот это-то пугает меня больше всего.

– А ты не думал о том, что мы уже подверглись действию дождя? Мы ведь тоже все время о нем говорим.

– Да, говорим, но по-другому. В нас нет этого остервенелого фанатизма, этой слепой веры, которая характерна для заболевших.

– Так, может быть, больны мы, а не они?

– Иногда мне кажется, так и есть. Понятие нормы всегда находилось на стороне большинства. Вначале обожествители дождя уничтожат своих оппонентов, а потом возьмутся за нас. Скоро таких, как мы, начнут изолировать от общества. Это просто вопрос времени, но, может быть, пока есть время, мы найдем выход и поймем, как остановить процесс, а возможно, сможем даже повернуть его вспять. Просто на все нужно время, а времени нет, словно бы наше руководство догадывается о том, чем мы занимаемся, и подкидывает нам все время новую работу, чтобы мы не могли делать того, что хотим. А деньги дают ложное ощущение свободы при полном отсутствии времени.

– Ой, да ладно тебе! По-твоему, лучше быть без денег и заниматься тем, что тебе интересно?

– Дело ведь не в деньгах, а в свободном времени. Вот скажи мне, откуда появилось мнение, что дождь может принести вред людям? Откуда возникли паника и необходимость ношения специальной одежды?

– Ну как... Если мне не изменяет память, на второй неделе непрерывного дождя по телевизору выступил губернатор, сказал, что в нашем регионе происходит редкое и ранее не наблюдавшееся метеорологическое явление в виде непрекращающихся осадков, которые могут содержать токсичные вещества. Потом показали практически безволосого мужика – у него волос даже на руках не было. Сказали, что это первая жертва, но могут быть и другие. И сразу как-то после этого выступления магазинные полки оказались завалены дождевиками и другими средствами защиты от дождя.

- Но после этого случая никто ведь не лысел?
- Вред дождя не доказан, но и не опровергнут, а значит, существует риск его токсичности.
- Да, но разве администрация не видит, к чему приводит попадание под дождь?
- Официально то, что мы видим, не является симптомами какого-либо известного заболевания, так что...

Мы замолчали. Машина медленно вошла в поворот. Дождь успокоился, словно бы подслушав, что мы перестали о нем говорить. Андрей правой рукой добавил звук в магнитоле.

*Древние роицы полны голосов, шепота трав и камней.
К северу тянется дым от костров, враг рыщет в той стороне.
Духи грозы бьют в барабан, из молний куют нам мечи.
Мы принесем жертву богам, кровью своей напоим.
Против нас – блеск византийских церквей, пышность пиров и даров.
Мы предаем смерти наших детей, зная жестокость врагов.
Знаки Луны грозят нам бедой, стрелы поют об одном.
Выбор жесток – крещение водой или крещение огнем!
Мы, обезумев от гнева, дрались, веря в бессмертие душ.
Станет погибший не горстью земли, а стражем в небесном саду.
Вниз по реке идолам плыть, некому бить им поклон.
Нас больше нет – стоит ли жить в мире, крещенном огнем¹?*

Когда прозвучали последние строки, Андрей вновь уменьшил звук и сказал:

– Очень символично. Это надо же, чтобы именно сейчас в этот самый момент прозвучал именно этот трек?

– Определенно. В нашем случае выбор не так и велик. Или крещение водой, или отсутствие крещения вовсе.

– У меня начинает складываться впечатление, что, кроме нашего плейлиста, мы ничего не можем решать и плейлист и есть самая крайняя точка нашей свободы.

Машина свернула на знакомый поворот и сбросила скорость. По территории рудника перемещаться можно было со скоростью не более двадцати километров в час.

Подъехали к КПП, вышли из машины и предъявили паспорта и пропуска на шлагбауме, а затем снова вернулись в авто, проехали еще пару километров и припарковались на стоянке рудника.

Еще один КПП и очередная проверка. Необходимо приложить пропуск и подышать в трубочку. Тест пройден. Теперь можно ехать на площадку. Самым запоминающимся здесь для меня является земля, такой земли не увидишь нигде и никогда. Красная, но с каким-то неповторимым, особенным оттенком.

Припарковались за железнодорожным переездом. Букашка Андрея могла завязнуть, а рисковать машиной не хотелось, вот и предстояло топтать пешком.

Взяв необходимое оборудование, мы начали спуск к пруду отстойника. Раскисшая земля на грунтовой дороге прилипала к сапогам, отчего уже через десяток шагов мы сошли на обочину, поросшую травой. Прилипшие комья красноватой глины медленно отваливались, а мы слушали дождь. Рядом с прудом-отстойником расположились водонапорная станция, экспериментальная установка и ЗИЛ-4331 – ассенизатор. Значит, Витя уже приехал и, наверное, курит.

Наша экспериментальная установка представляет собой довольно сложную двухуровневую конструкцию, состоящую из шестнадцати пятикубометровых пластиковых ванн с сорбен-

¹ Маргарита Пушкина.

том и трубами. Отработанные шахтные воды накачиваются в емкость, а затем равномерно распределяются по восьми модулям, расположенным на металлическом каркасе. В шести из восьми высажены растения, которые участвуют в фильтрации шахтных вод. Два модуля не содержат растений – это контроль. Затем вода из каждой емкости по трубам перетекает в нижние восемь, в которых высажены точно такие же растения в таком же количестве, и процесс повторяется. В результате на выходе получается прозрачная вода.

Я проводил необходимые измерения длины и ширины листовой пластинки, считал количество листьев и вновь образованных побегов, Андрей вносил данные в электронный журнал. Затем при помощи портативного флуориметра определял концентрацию флавоноидов и хлорофилла. Все измерения заняли порядка двух часов.

– Перекусим? – предложил Андрей.

Честно сказать, я действительно проголодался: рутинные исследования по сбору данных отнимают кучу времени и сил, выматывая однообразием проводимых манипуляций.

На углу опалубки станции лежало несколько размокших окурков. Мы зашли внутрь. Витя, как всегда, курил. Наверное, если бы не дождь, он курил бы и на улице, возможно даже, что дождь в какой-то степени сохранял ему здоровье, снижая риск развития рака легких.

– Ну что, плывем? – спросил он.

– Дай передохнуть минут пятнадцать, – сказал Андрей, снимая очки и маску.

Из непромокаемого рюкзака он достал термос и бутерброды, завернутые в фольгу. Мы поделили наш скромный обед на троих. Чай, как всегда, был горяч и ароматен. Андрей любил экзотику и каждый раз удивлял нас каким-то новым вкусом. В этот раз он приготовил чай с опунцией. Вкус был действительно необычный – слегка сладковатый, но какой-то ускользающий.

– Я так подозреваю, когда-нибудь от твоих экспериментов с чаем мы помрем.

– Все проверено на себе. Я же ученый.

– Ага. Только вот эффект может проявляться далеко не сразу... Ну что, поплыли?

А затем уже громче обратился к Вите, который глуховат:

– Вить, мы готовы.

Витя докуривает. Тушит бычок о цементный пол и кладет в полиэтиленовый пакет, который затем исчезает в нагрудном кармане стандартной униформы. Мы экипируемся в болотники, которые я предусмотрительно захватил с собой, спасательные жилеты и все остальное, что требуется для проведения работы на воде. Втроем поднимаем и тащим пластиковую лодку к пруду-отстойнику. Витя с Андреем возвращаются назад за мотором. Я сижу в лодке и терпеливо жду их. Капли дождя с тихими всплесками погружаются в красновато-оранжевую воду.

Мотор установлен. Витя сидит на корме. Андрей отталкивает лодку от берега и ловко запрыгивает. Витя при помощи весел выравнивает курс и включает двигатель. Мы плывем к нашей следующей фитоочистной системе. Четыре линии биоплотов, перекрывающих пруд-отстойник, в которых высажены наши растения – фиторемедианты, в каждой линии по одному виду. Снова необходимо провести измерения морфологических параметров и оценить степень приростов. В этот раз еще нужно померить и корни. Андрей снова на подхвате – ведет электронный журнал учета, а еще фотографирует растения и все, что требует нашего внимания.

Мы доплываем до первой линии, проходим на веслах под веревками и оказываемся между первой и второй группами. Витя аккуратно подгрребает к плотам.

– Ты такое когда-нибудь видел?

– Никогда.

– Это вообще что такое?

– Кто-то жрет наши растения!

– Он не только жрет, он еще и гадит.

– Ну, это уже просто верх хамства. Витя, ты тут кого-нибудь видел? – спрашиваю я.

На пруду сильный ветер. Еще и дождь. Еще и маска, которая поглощает звук. Витя ничего не слышит, и ему даже непонятно, что я пытаюсь что-то сказать. Но я точно знаю, что он видит, потому что выглядим мы одинаково – как две огромные стрекозы с большими фасеточными глазами.

Я повышаю голос, пытаюсь перекрычать маску, ветер, дождь и, конечно же, глухоту Вити.

– Витя, ты кого-нибудь видел?

– Как не видеть: на том берегу мужики рыбачили.

Андрей, который находится ближе к Вите, показывает ему обкусанные растения и громко и внятно спрашивает:

– Не знаешь, кто это мог сделать?

Витя задумчиво опускает голову. Больше всего меня угнетает отсутствие мимики, когда ты находишься на улице, отчего зачастую непонятен не только смысл, но и контекст. И вообще неясно, что у собеседника на уме.

– Дак были тут на пруду птицы с птенцами, белые.

Я аккуратно снимаю с одного из плотов белое перо.

– Походу, это лебеди. Я бы даже сказал, гадкие лебеди.

– Я думал, тростник никто не ест.

– Как видишь, ты ошибался.

– Не вижу смысла проводить здесь замеры. Растения хоть и объедены, но отрастут. Вить, гребни ко второй линии.

Рогозы на второй линии выглядят нормально: видимо, листья у них более жесткие, оттого растения и не пострадали. Я аккуратно и медленно переворачиваюсь на носу лодки и достаю свою деревянную двухметровую складную линейку. Сейчас предстоит самый сложный вид работ – проведение измерений на лодке. Параметры те же, только теперь еще надо попытаться вытащить растения, чтобы измерить корни. В стекловате плотов видны уже новые ростки, так что укоренились рогозы капитально, и у меня не получается их вытащить, а я не хочу рисковать, травмируя корни. Но вот в одном из плотов растение, видимо, не закрепилось еще окончательно, и мне все-таки удастся извлечь его. Несмотря на то, что корневая система хорошо развита, она все равно оказывается меньше, чем мы ожидали. Проплываем вторую линию и снова подныриваем под фалы, чтобы оказаться между третьей и четвертой.

Ветер усиливается, и дождь превращается в настоящий косохлест. Витя аккуратно гребет то к третьей, то к четвертой линии, а я методично произвожу измерения. Корни настолько плотно вросли, что нет никакой возможности вытащить растения, а нужно точно знать, какова

их длина. Витя подгребают поближе, и я начинаю медленно поднимать плот. Андрей наваливается на другую сторону лодки, чтобы мы не перевернулись. Плот поднимается, и я вижу длинные белые нити. Но тут плот неожиданно выскальзывает из моих рук, а сзади раздается всплеск. Я оборачиваюсь: Андрей барахтается в оранжевой воде. Мы оба понимаем, что произошло, и знаем, что ничего не изменить. Если он попробует залезть на плоты, может нарушиться целостность конструкции, и наша работа и усилия пропадут. Если попробует залезть в лодку, то она перевернется вместе с мотором – и тогда в стоках шахтных вод и под дождем окажутся уже три человека.

Андрей срывает перчатки. Затем очки и маску. Я вижу его лицо. Он кричит мне:

– Все будет хорошо! Крещение водой!

Я не осознаю, что происходит вокруг. Обезумевшие ветер и дождь. Меня словно бы выключили, и в голове раскручивается возможная нить будущего.

Я остался один.

Совсем один.

Андрей отстегивает болотники, которые тащат его вниз. Дождь бьет его по лицу, а он смеется, довольный и счастливый – видимо, оттого, что участь его предрешена и больше не надо бороться и искать ответы на вопросы, на которые, по всей видимости, нет ответов. Сильными энергичными гребками он двигается в сторону берега. Спасательный жилет, удерживающий его на воде, теперь больше мешает, нежели помогает, и он расстегивает его и толкает в сторону лодки. Я подхватываю его и кладу на дно.

Витя молчит. А что тут можно сказать? Всякое бывает. Определенность – не худшее состояние, а Вите все равно, это ведь не он теряет друга.

Витя медленно гребет к берегу. Андрей добирается до мелководья и выходит. Причаливаем. Он снова отталкивает лодку и запрыгивает в нее. Никогда за последние семь месяцев не видел его таким счастливым...

* * *

Ощущение опасности – оно всегда рядом. Просто ты не всегда понимаешь, что именно оно стоит у тебя за спиной и подсказывает, как и что нужно сделать. Может быть, именно поэтому на станции, словно бы мы знали, что это рано или поздно произойдет, – два комплекта сухой и чистой одежды. Андрей переодевается. Сколько он пробыл под дождем? Пять, десять, пятнадцать минут? Какова должна быть продолжительность воздействия дождя, чтобы человек начал меняться? У нас нет ответов на эти вопросы. Теперь необходимо ждать и наблюдать.

Мы возвращаемся к букашке. Рабочий телефон утонул, но данные занесены в облачное хранилище, так что работа, проделанная сегодня, не пропала.

Я сажусь за руль, завожу машину, и мы выезжаем со злополучной площадки. Когда двигатель нагревается до шестидесяти, включаю печку.

Дождь, словно добившись поставленной цели обращения в свою веру, стихает, превращаясь в незначительную морось. Мы едем домой. Музыка из магнитолы заглушает шум дождя и дороги.

День 192-й. Суббота

Утро – самое важное время. Именно от того, как ты его начнешь, зависит весь последующий день, а иногда и вся последующая жизнь. Может быть, именно потому я так рано и встаю – чтобы проанализировать итоги прошедшего дня и принять решение, как действовать дальше.

Конечно же, руководству мы ничего не сообщили. Пятница, последний рабочий день – кому они нужны, лишние проблемы? С Андреем надо было что-то решать, и я снова прокручиваю в голове разговор на обратном пути.

* * *

Пока мы ехали домой, какое-то время играла музыка, и от этого в голову не лезли никакие мысли, было как-то тихо и спокойно. Но когда мы уже въехали в город, Андрей решительно прикрутил ручку звука.

– Ты понимаешь, какой нам выпал шанс?

– Мне кажется, что шансов у тебя никаких.

– Ты не понял. У нас появился шанс изучить процесс изменения психики и выяснить механизм возникновения дождевого поведения.

– А мне кажется, тебе необходимо провести гемодиализ.

– Мы последние шесть месяцев изучали осадки. Ты понимаешь, что мы столько раз провели химические анализы, сколько за последние сто лет никто не сделал. И что мы нашли?

– Ничего, – с грустью констатирую я.

– Именно. А что это значит?

– Это значит: либо у нас нет оборудования для обнаружения необходимых веществ, либо дождевая вода ни при чем?

– Наши тест-системы в виде растений не работают, и даже аквариум с дождевой водой, в который мы запустили гупешек, не дал никаких результатов. Словно бы эта вода не несет никакой угрозы. А раз мы не знаем, с чем боремся, нужно изучить объект, который подвергается действию фактора, и установить поэтапно возникновение девиантного поведения.

– С учетом темпов, которыми растет число зараженных, уже наше поведение считается девиантным.

– Так, может, пришло время взять испытуемого и проверить, как идет развитие заболевания?

– Ты же сам видел, что никакой симптоматики нет. Человек не кашляет, не чихает, а просто начинает говорить о дожде.

– Мы получили уникальный шанс, которым грех не воспользоваться. Я буду вести дневник наблюдений, в который буду записывать все изменения, происходящие со мной.

– И что в итоге?

– Я верю, что ты поймешь, как это работает.

– Ценой потери лучшего друга?

– Ты же понимаешь, что у всего есть цена. Сколько еще продержатся те, кто не подвергся общему безумию? Один месяц, может быть, два или три? А ты, я знаю, найдешь ответ, как и почему дождь меняет людей. Ты же видишь, во что превратилось большинство? Это с виду в них ничего не поменялось, только внешне они нормальные и здоровые, но ты же заметил, что чем их больше, тем увереннее и наглее они становятся. Тем больше силы и власти находится в их руках, и они диктуют условия другим. Помнишь, о чем мы с тобой говорили, когда ехали на площадку?

– Мы много о чем говорили.

– О единственной оставшейся в мире свободе человека?

– Плейлист?

– Да. Так вот, я хочу, чтобы у тебя, у меня и других было что-то еще, кроме этого плейлиста.

И еще одно. Об этом я могу попросить только тебя. Когда закончится трансформация, пожалуйста, сделай так, чтобы я перестал жить.

– Не надо сжигать мосты, если есть возможность их сохранить, может быть, когда-нибудь такой мостик спасет твою жизнь.

– Не хочу быть улиткой-янтаркой. Обещаешь мне?

– Как я могу такое обещать?

– Очень просто. Лучше умереть свободным человеком, чем жить безвольным червяком. Я знаю, это сложное решение, и ты сделаешь все, чтобы повернуть процесс вспять, но, если поймешь, что вернуться назад нельзя, пожалуйста, сделай то, о чем я тебя прошу, и пообещай мне, что выполнишь это вопреки всему.

В его глазах была такая просьба, которой я еще никогда не видел. Словно умирающий в муках, он просил прервать его и без того затянувшееся существование.

– Обещаю, – ответил я.

Андрей вздохнул с облегчением, и ничего подобного я раньше за ним никогда не замечал.

* * *

Андрей прав. За нас уже все кто-то решил. И теперь главный вопрос заключается в том, как мы примем последствия этого решения: сможем использовать во благо других или будем отсиживаться в окопах. В мессенджере я написал Андрею: «Эксперимент начался. Оставайся сегодня дома».

* * *

Работы действительно было очень много. Да и к тому же ни на кого из наших коллег нельзя было положиться. Надо сказать, так было и раньше – еще до того, как они изменились под воздействием дождя. В общем, в наше время становится все труднее найти квалифицированных сотрудников, и именно поэтому приходится все делать нам двоим. Наш заведующий, Сергей Иванович, все прекрасно понимает и оттого разрешает нам задерживаться в лаборатории допоздна, хотя по технике безопасности это запрещено. А мы, в свою очередь, делаем работу за весь штат в двадцать человек согласно нашему госзаданию и, конечно же, изучаем дождь. Изучение дождя – это плейлист в наших научных исследованиях.

* * *

Обычный день сотрудника лаборатории начинается с кофе. Без кофе рабочий день получается бессмысленным и пустым. Дальше начинается рутинная работа. Слава богу, я выбил нам ставку инженера, на которую устроилась особа невысоких интеллектуальных способностей, но даже ее можно использовать.

Она занимается тем, на что раньше каждый день у меня уходило не менее двух часов. А именно: заполнением журнала заявок на ремонтно-техническое обслуживание помещений. Суть этой работы заключается в утреннем обходе всех помещений и фиксации течей или каких-то иных поломок по каждому кабинету. Еще один журнал, требующий внимания сотруд-

ницы, касается работы особо ценного оборудования. В него вносится время ее начала и окончания.

* * *

Впрочем, сегодня не такой день, и мне предстоит исследования на двадцати площадках города, по которым мы проводим мониторинг листовой диагностики азота, а также оцениваем степень зараженности растений грибковыми инфекциями. Из-за непрекращающихся дождей грибковые инфекции, которые и до этого составляли до восьмидесяти процентов болезней, стали бесспорными лидерами. Наша задача заключается в ранней диагностике и предупреждении вспышек инфекций у растений города, вот и приходится каждую субботу делать объезды.

Город хорошо платит, а мы совершаем полезную общественную работу, ведь львиная доля средств уходит на амортизацию помещений и оборудования, используемого нашей лабораторией.

Работу приходится делать по выходным по одной простой причине: в результате проведенных исследований будет подготовлен научный отчет по мониторингу зеленых насаждений, а мы получим премию. Но, судя по претензиям, предъявляемым нашими заказчиками, это будут не самые легкие деньги. Я уже давно обратил внимание на то, что чем проще поначалу кажется работа, тем сложнее она становится в исполнении. Но вернемся к тому, почему мы трудимся по выходным и в нерабочее время. Дополнительные деньги, даже несмотря на то, что часть их уходит в бюджет нашего НИИ, можно зарабатывать только в свободное от работы время. Ибо, как сказал наш бухгалтер, получается двойная оплата, а трудовая инспекция не спит и только и ждет, как бы выписать штраф, а это для организации, как вы сами понимаете, не хухры-мухры. Вот и приходится нам впахивать без выходных и проходных. Но я не жалею: мне нравится моя работа, нравится узнавать что-то новое. Жаль только, из-за всех этих проектов не получается заниматься тем, что особенно интересно. Но, как всегда, во всем можно найти плюсы. Работа помогает мне отвлечься и...

* * *

Мой сегодняшний день начался с похода в гараж. Машина – не самое часто используемое мной средство передвижения. Честно сказать, и сам не знаю, почему ее купил. Были деньги. Решил, что нужна машина. А как купил, оказалось, что особо она и не нужна. На работу меня довозит Андрей, обратно тоже он. По работе мы опять-таки на его авто мотаемся. В общем, машина моя большую часть отдыхает в гараже. Но вот пришли черные времена, и мне приходится вернуться в ряды автолюбителей.

Гараж недалеко от дома. Наверное, нет ничего приятнее похода в него, если дома тебя ждет жена. Но я разведен, и поэтому испытать в полной мере радость от такой свободы у меня не получается. Да и дорога под дождем, скажем честно, еще то удовольствие.

Винтовой замок на гаражной двери открылся без проблем. Поскольку езжу я нечасто, сигнализация, как правило, отключена, чтобы не разряжать аккумулятор. Двигатель, застоявшийся без работы, завелся с возмущением, но после того, как масло растеклось по внутренним поверхностям, заработал чище и тише. Я проверил уровень жидкости в омывателе: на сегодня должно было хватить.

Время дождя выдвигает новые автомобильные правила. Несмотря на невысокую температуру за бортом, пришлось включить кондиционер и поставить на обдув стекла, чтобы не запотевали. И пока я ждал, когда прогреется двигатель, мысли снова потянулись к ней.

Не так часто в жизни встречаешь людей, с которыми приятно поговорить, приятно помолчать и приятно побыть рядом. Слишком много в этом мире просто людей и слишком

мало тех, с кем по-настоящему интересно, с кем хочется находиться в одной комнате. Нет никаких разумных объяснений, почему именно этот человек становится важным для тебя. Может быть, это аналогично тому процессу, который мне объясняли в десятом классе на уроке биологии, и в голове еще тогда отложились два термина, получившие особую актуальность именно сейчас: кодон и антикодон – состояние близости на уровне молекул, которые подходят друг к другу только при полной комплементарности. А сколько лет эти молекулы шли к тому, чтобы приобрести свою индивидуальность, сформироваться во что-то законченное?

В цифровой век личные отношения становятся настолько безличными, что кажется, будто для того, чтобы сказать человеку о том, сколь важное значение приобретает его нахождение в твоей жизни, достаточно включить мессенджер и отправить короткое «Как дела?», присоединив к этому расхожий смайлик. И вот, когда ты поступаешь именно так, вся человечность исчезает, остаётся только цифровой след отношений.

Я не против мессенджеров и переписок. В этом есть что-то притягательное, что-то делающее возможным то, чего раньше невысказано было и представить. Но иногда так хочется увидеть человека вживую, поговорить, чтобы включились другие рецепторы, не только зрительный!..

Передо мной черный экран телефона и возможность увидеть, как давно она была в сети. Да, там есть ее фотография, и ее я тоже могу посмотреть. Здорово, что в разных мессенджерах у нее совершенно разные фотографии. И вот сейчас, с тоской от невозможности быть рядом с ней, в очередной раз захожу в мессенджер, чтобы увидеть хотя бы ее фотографию, чтобы ощутить ниточку существования близкого и родного человека и почувствовать снова, что я еще

существую... Но фото не грузится, и программа не показывает, когда она в последний раз была в сети. Ниточка, связывающая нас, оборвана, и я оказываюсь один в пугающей черной пустоте. Мне никто не может помочь, моя функция утрачивает смысл. Антикодон с остервенелостью бьется о бесконечную цепь информационной молекулы, с ужасом осознавая, что ничего элементарного больше нет...

Двигатель прогрелся, пора ехать. Выворачиваю автомобиль из гаража. В руках телефон, в котором ее почему-то больше нет, точнее есть, но нет ее изображения. Выскакиваю из машины, чтобы закрыть ворота. Телефон, словно бы подчиняясь непреложному закону неприятностей, падает в лужу. Я поднимаю его и выключаю. На сегодняшний день, судя по всему, я остался без связи.

На часах в автомобиле семь. Времена года и время стали какими-то условными понятиями, превратив все в нескончаемый дождливый (и оттого крайне печальный) день. Раньше мне нравился дождь, я любил слушать звук капель, любил спокойствие, которое возникало в воздухе, а сейчас все превратилось в бесконечный отрезок времени. Дни стали вязкими, тусклыми и безрадостными, а ночи настолько холодными и одинокими, что хотелось выть.

Мастерская по ремонту телефонов должна была открыться только после десяти, так что я успевал сделать две, а может быть, и три площадки по городу.

К десяти я успел уже выпить американо и съесть шаверму, что заметно улучшило мое настроение, омраченное вчерашним происшествием. Вместо предполагаемых двух площадок все же успел сделать три. Конечно, без Андрея процесс шел медленно, но я нашел выход из ситуации. Полученные данные я надиктовывал на диктофон, который купил когда-то именно для таких случаев.

Телефон пообещали реанимировать к вечеру, а я поехал по остальным площадкам. Время, когда ты занят, тянется незаметно. Площадки разбросаны по всему городу, но, благодаря тому что сегодня суббота, пробок на дорогах не было, и я достаточно быстро менял локацию. К пяти получилось объехать только двенадцать, но это было даже больше, чем я предполагал.

Я расплатился с мастером. Сел в машину и включил телефон. На меня обрушился водопад непринятых звонков, сообщений в различных мессенджерах, как будто бы люди думали, что если я не беру телефон, то, возможно, отвечу по другому каналу, также привязанному к аппарату.

Звонил Андрей – три непринятых вызова – звонила Ольга, жена Андрея, семь – ненадолго опередил жену друга шеф. Передо мной встала дилемма, кому перезвонить. Шеф, несмотря на все его недостатки, – а у кого их нет? – никогда не звонит после работы или в выходные, если только это не что-то экстраординарное. В то же время Ольга вообще никогда мне не звонила, хотя ее номер и был записан в моей телефонной книге. Можно было бы углубиться в воспоминания о том, почему так получилось, но это совсем другая история, о которой, может быть, я когда-нибудь и расскажу.

Я набрал Ольгу, и, как почему-то всегда бывает в таких вот случаях, она не ответила. Но не успел я нажать на кнопку завершения звонка, как телефон ожил.

– Андрей в больнице. Он мне все рассказал, – срывающимся голосом, в котором явно чувствовалась паника, сообщила Оля.

– Оля, успокойтесь. Что именно рассказал Андрей?

– Он рассказал, что попал под дождь. Почему попал он, а не вы? Все из-за вас! А теперь он в больнице.

Я понял, что что-то случилось. Что-то, отчего правда в виде попадания под дождь оказалась меньшим злом.

– Что случилось с Андреем? Расскажите по порядку.

– Утром он проснулся как обычно. Сказал мне, что сегодня никуда не поедет, потому что хочет побыть со мной. А к обеду началось: тошнота, рвота, диарея, боль вверху живота. Потом его вроде отпустило, но через полчаса кожа стала сине-черного цвета. Я предложила вызвать скорую, но он отказался и начал звонить вам, но вы были недоступны. Потом он зачем-то полез в интернет. А потом... потом началась рвота с кровью, и тогда он сказал мне, что вчера попал под сильный дождь без защитной одежды и надо вызывать скорую, а затем потерял сознание.

Последние слова она произнесла так тихо, что я еле расслышал их, а затем начала всхлипывать.

Если Андрей решил сказать, что он попал под дождь, значит, понял, что произошло. Симптомы, видимо, подходили под какой-то другой диагноз, и он смог его самостоятельно диагностировать – а раз смог он, значит, смогу и я.

Что, кроме дождя, могло вызвать такие признаки, ведь ничего другого не было? Да нет же, было: он ведь упал в пруд-отстойник. Значит, у него могло быть отравление. А чего больше всего в водах отстойника, как не железа? Значит, он понял, что у него симптомы не от попадания под дождь. Да и откуда было взяться таким симптомам – ведь все трансформации поведения проходили совершенно безболезненно! Это было единственное правильное решение – скрыть падение в отстойник и сделать вид, что все симптомы связаны с дождем. Ему, скорее всего, все же сделают что-то типа гемодиализа, а значит, и эффект дождя не проявится. Эксперимент провалился, но, с другой стороны, я не потеряю друга.

– В какой он больнице?

– Его забрали во вторую городскую.

– Сейчас я позвоню своему знакомому врачу и все уточню. Перезвоню, как все узнаю.

Держитесь, Оля.

Я набрал Пашу. Паша работал во второй городской анестезиологом, и, конечно же, через него можно было узнать все подробности госпитализации Андрея. Мы познакомились с ним на подготовительном отделении при университете и, несмотря на разные факультеты, как-то сдружились. Конечно, со временем мы все больше отдалялись, но старались не терять некогда возникшую дружескую связь.

Павел среднего роста. С заостренным носом и глубоко посаженными глазами – от этого нос выглядит еще больше, однако квадратные очки, которые он носит, снижают этот контраст. Говорит Паша, немного растягивая слова и в нос, отчего кажется, что ты смотришь старый американский фильм с гундосым переводчиком.

– Паша?

– У аппарата.

– Ты сегодня на работе?

– Да, дежурю.

– Слушай, тут такое дело. К вам сегодня по скорой привезли Андрея Петровича Шмелева.

– Да, был такой.

– Ты не в курсе, где он и что с ним?

– Да вроде как отравление. Перед тем, как впасть в кому, сказал, что под дождь попал.

– Так он что, в коме?

– Да почистили его уже, вроде отошел. Плазмаферез сделали. Откапали – стал отходить.

Телевизионщики уже здесь, снимают его, звездой станет, как мужик без волос.

– Так что, плазмаферез помог?

– Видимо, да.

– А в какой палате он лежит?

– В отдельной. И никого к нему пока не пускают, мало ли, чем он там от дождя заразился.

– Ну, спасибо тебе, Паша, ты, как всегда, помог.

Я положил трубку и перезвонил Ольге. Успокоил ее и сказал, что жизнь Андрея в руках самых лучших, а состояние настолько хорошее, что есть шанс скоро выписаться из больницы. Она вроде успокоилась. А вот я, несмотря на вполне убедительные доводы Паши, почему-то заволновался сильнее.

Перезвонил шефу и успокоил его, а затем завел машину и поехал домой. И, пока я ехал, играла песня:

*Дождь
Выстроил стены воды.
Он запер двери в домах.
Он прятал чьи-то следы.
А мне хотелось дышать,
Дышать во всю грудь,
Но я боялся забыть,
Боялся уснуть.
Там, где вода
И в небе вспьшки ломаных стрел,
Я руки протягивал вверх,
Я брал молнии в горсть.
Там, где вода
Рисует на земле круги,
Ты слышишь, слышишь шаги,
Идет дождь.
Будто впервые,
Хохотал гром,
Он захлебнулся в словах,
Он рвал ставни с окон.
А я все видел,
Я небу смотрел в глаза.
Все очень просто —
Просто гроза².*

А я думал о том, что день, работа и дождь, а еще эта история с Андреем высосали все мои силы, так что мне хотелось просто доехать, помыться и завалиться в кровать.

Перед входом в подъезд меня остановила старушка с первого этажа. В каждом подъезде есть такие дотошные. Она поинтересовалась, буду ли я завтра на собрании.

– Какое собрание?

– Ну вот же, на доске объявлений повесили.

Я так устал, что не хотел ни во что вникать, но и проигнорировать обращение соседки не мог.

– Во сколько и по поводу чего будет собрание?

– Как, вы не в курсе?

– Да, вот так. Много работы, совершенно потерялся в жизни подъезда.

– Завтра к десяти приедет губернатор, будем проводить собрание по поводу детской площадки.

– А что с ней не так и почему такими вопросами занимается губернатор?

² Константин Кинчев.

– Так вот и я про то ж. Это все Маринка с пятого этажа. Сама себя назначила старшей по дому. Сама нигде не работает. Бегает по всем инстанциям, только воду мутит.

– А что не так-то с площадкой?

– У Маринкиного мужа машина. Так вот, когда он приезжает, на стоянке мест нет. Вот она и решила, что стоянку надо расширить: у нас же школа художественная напротив, и родители, когда детей забирают, стоянку-то и занимают. А площадка детская близко к дороге сделана, и ее, дескать, переносить надо, а на месте площадки стоянку делать под шлагбаум. Вот такой у нее проект.

– Понятно. Так, получается, уже все решили?

– Нет. Многие против. Вот и послушаем, что губернатор решит. Так что, придешь?

– По работе смотреть надо. У меня коллега в больнице, так что я один остался.

– А что случилось?

– Под дождь попал.

– Что ж он не предостерегся?

– Да вот... вышло так.

– Ну ничего. Дождь... он всех разделит. Ничего ты тут не изменишь.

– Да уж!

Я кивнул и вошел в подъезд. Поднялся на второй этаж. Открыл дверь. Повесил сушиться одежду. Включил колонку. Горячая вода начала наполнять ванну.

Как же хорошо быть дома! День, полный забот и волнений, подходил к концу, а мне почему-то было мучительно больно и стыдно за то, что не я упал в воду.

День 193-й. Воскресенье

Сегодня гроыхало как-то по-особенному и с определенной периодичностью, еще и сверкало. Проснулся, как всегда, рано. Включил компьютер и стал загонять и обрабатывать полученные данные. К девяти большая часть работы была выполнена. Можно позволить себе сходить в кофейню, чтобы насладиться свежеприготовленным капучино и каким-нибудь пирожным.

Дождь, несмотря на ночные гроыхания, был мелким и редким. Машин на дороге нет, а во дворе суета. Какие-то незнакомые люди в одинаковых робах установили белый шатер в центре детской площадки и подключили аппаратуру, из колонок которой звучала музыка:

*Я прошу, поговорите со мной, друзья...
Я прошу, поговорите со мной, друзья...
Старая в альбоме есть фотография.
Мы на ней словно мафия
Или просто семья.*

*Я прошу, вы привезите с собой дожди
С севера или какой-то другой земли.
Истина, ты словно пуля у выстрела,
Так проста и невысказана...
Привозите дожди...*

*Дожди, косые дожди...
Дожди с далекого берега.
Дожди, косые дожди...
Дожди...*

*Я прошу, не уезжайте, любимые.
Я прошу, не уезжайте, любимые.
Я прошу, вы возвращайтесь, любимые,
И приезжайте любимыми,
Я вас очень прошу³.*

Чтобы дойти до кофейни, мне пришлось пройти полквартиры и перейти на другую сторону улицы. Широкие громадные стекла создавали ощущение, будто сидишь на улице. Однако здесь имелись места, защищенные от любопытствующих перегородкой, что позволяло злоупотреблять кофе двумя возможными способами: в одиночестве и наблюдая за прохожими. Вопреки тому, что сегодня воскресенье, да еще и утро, в кофейне, как мне показалось, было слишком много людей.

Еще одной изюминкой, которая в свое время покорила мое сердце, стал бюст на входе, одетый в очки и защитную маску с надписью: «Мы всегда вас ждем». Но если в начале введения защитных средств это было оригинально, то через пару месяцев проливня такой прием уже казался до противного банальным и даже пошлым, а еще через пять месяцев от напоминаний о том, что мы попали в величайшую эпоху – эпоху бесконечного ливня, – меня тошнило.

³ Марина Хлебникова.

Дождь пробивался во всем. Мужчина – широкоплечий, высокий, с крупным носом и толстыми губами, обрамленными густой рыжей бородой, видимо компенсирующей недостаток волос на голове, – сидит за столом и читает газету. Она пестрит заголовками: «Благодаря дождю экономика региона открыла новые ниши для экотуризма», «Энергетический кризис, решение найдено: дождь» и так далее. Молодой человек возле окна развалился в кресле. На нем футболка с принтом, на котором изображен дождь, а внизу красуется надпись: «Падающий с Неба дождь оплодотворяет Землю, и она рождает зерно для человека и зверя» (Эсхил). Девушка – светловолосая, в костюме с рисунком в виде косоугольного дождя – аккуратно подносит чашку кофе к губам, а я не могу не обратить внимания на маникюр с рисунками в виде молний. Все эти люди делают все как обычно – так, словно бы за окном нет дождя, нет этого серого безысходного неба и всепоглощающей тоски. Мне хочется закричать им: «Вы что, не понимаете, что это ненормально, так не должно быть!» Но я точно знаю, что они уже приняли ситуацию, смирились и сжились с ней. Нет, не подумайте, что я тоже заболел, только в обратную сторону. Я просто хочу разобраться, почему идет дождь, точнее, даже так: почему дождь идет только здесь, а для других его словно бы и нет.

Если быть откровенным до конца, то мой воскресный утренний поход в это кафе неслучаен. Хотя все мое поведение объясняется очень просто, и не стоит искать в нем глубокого подтекста. Еще до того, как начался дождь, в одно из обычных и ничем не примечательных воскресений – я уже и не помню, какова была причина, чтобы заглянуть именно сюда в этот день недели и именно в это время, – здесь я встретил ее. Это была не первая встреча, но то чувство, о котором я уже упоминал, зародившееся в недрах моего сознания, требовало именно такой неформальной обстановки, когда мы были не в ролях начальника и подчиненного. Оказалось, что у нее недалеко живут родители и она решила забежать сюда, чтобы выпить чашечку кофе. Мы сидели вместе, о чем-то мило болтали, и, наверное, это был тот самый единственный момент, после которого ты понимаешь, для кого стоит жить. Понимаешь, что твое существование – это не череда глупых случайностей, и смысл именно в том и заключается, чтобы встретить того самого человека, с которым хочется съездить в Мексику и посмотреть на пирамиды ацтеков, а еще подняться на воздушном шаре, чтобы испытать вместе что-то, чего ни тот ни другой не испытывали никогда.

И вот сейчас я прихожу сюда в робкой надежде снова встретить ее. Но все тщетно: она больше ни разу за все восемь месяцев здесь не была. Мне остается только сесть на то самое место, на котором мы сидели, заказать две чашечки кофе – капучино и латте. Закрывать глаза и снова увидеть ее напротив себя. Увидеть этот хитрый, слегка прищуренный взгляд. Услышать голос. Бариста громко сообщает, что наш кофе готов. Возможно, я все придумываю. Возможно, что ничего этого нет или было не так, как помнится мне: ведь легче всего обманываться и тешить себя надеждой, чем жить без надежды вовсе. Я беру печенье с предсказанием, разламываю его, читаю то, что там написано: «Тебе еще повезет!» Повезет, но, видимо, не сегодня. Я открываю кошелек и кладу эту бумажку к остальным. Забираю два кофе. Смотрю на часы. Время – половина десятого. Сегодня она снова не пришла. Допиваю капучино, оставляя стаканчик латте напротив, и иду домой.

Возле дома происходит какая-то нездоровая суэта. И я вспоминаю, о чем вчера говорила соседка. В сложившейся обстановке выделяться на общем фоне не имеет смысла, поэтому я и решил принять пассивное участие в жизни нашего подъезда.

К началу сего действия я, видимо, опоздал, и позиция старшей по дому была уже обозначена, поскольку выступал губернатор, который просто не терпел отсутствия публичности в своих даже самых незначительных поступках. Похоже, для этого и был поставлен шатер – чтобы местное телевидение могло в наиболее выгодных ракурсах заснять его выступление.

Губернатор пришел на свою должность незадолго до начала дождя, и оттого, возможно, было не до конца понятно, что и как он пытается улучшить или изменить. Народ его полюбил именно за его доступность и публичность, под личиной которых скрывались бездействие и натуральная показуха, но говорить об этом открыто не следовало, потому что большая часть электората к нему благоволила. Александр Григорьевич был худощав и высок. Лицо широкое. Стрижка короткая, подчеркивающая высокий лоб с залысинами, наиболее часто ассоциирую-

щийся с интеллектом. На лбу прослеживалась глубокая поперечная складка, которая придавала лицу выражение постоянной озабоченности. Глаза глубоко посажены. Нос широкий, губы полноватые.

– Во дворе вашего дома построили детскую площадку. Однако, насколько я могу судить из нашего общения, некоторые жильцы недовольны ее местоположением. Получается, что проект с вами не согласовывался?

Одной из характерных черт губернатора было присвоение чужих заслуг себе, ошибки же он перекладывал на плечи нижестоящего исполнителя.

– Да, именно так, – говорит старшая по дому Марина Владимировна, – женщина невысокая, полноватая, со вздернутым носом, в круглых очках и с челкой.

– Часть собственников жилья хотела видеть вместо площадки парковку, а другая – бельевую сушилку?

– Да, именно так.

У некоторых чиновников есть такая основополагающая опция – повторять то, что им до этого сказали, с таким видом, будто бы это именно они сделали такое заключение.

– Считаю, что жильцы, как собственники дома и земли вокруг нее, должны самостоятельно определиться с тем, как дальше будет выглядеть их двор. Но решение должно быть поддержано большинством.

Я, в свою очередь, хочу сообщить вам всем, что буду предпринимать решительные действия для того, чтобы выслушать каждого и помочь. Конечно, мы должны сделать так, чтобы все были удовлетворены, но надо понимать, что за расположением площадки в этом месте стоит долгая и кропотливая работа. Нужно также учитывать, что при проектировании площадки учитывалось расположение коммуникаций и инженерных сетей, и, если жильцы большинством голосов решат, что это необходимо, мы будем согласовывать вынос этих сетей. В таком случае, конечно же, увеличится стоимость проекта, но на жителях это никак не отразится. Так, в прошлом году нами было освоено более одного миллиарда рублей на благоустройство дворовых и общественных территорий, и мы не остановимся на достигнутом.

Больше всего в таких выступлениях чиновников меня обнадёживали цифры и формулировки типа: «более», «свыше» или «около» – очень неточные и неопределенные.

Губернатор продолжал:

– Пространства преобразятся в рамках федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Несмотря на сложившуюся обстановку, нами запланировано благоустройство восьмидесяти пяти территорий, расходы на которые в целом составят около восьмисот пятидесяти миллионов рублей. Будут обновлены пятьдесят одно дворовое и тридцать четыре общественных пространства.

Кроме того, планируется реализовать проекты-победители всероссийского конкурса лучших проектов формирования комфортной городской среды, а объем израсходованных средств составит порядка двухсот миллионов рублей...

И так далее и тому подобное...

Я перестал вслушиваться в слова, и рефреном окружающей действительности начал выступать дождь, который, словно бы не вынеся этого словоблудия, а может, наоборот, прислушиваясь, пошел тише. И я, почувствовав изменение тональности проливня, подумал о том, что, может быть, этот апофеоз абсурда, связанный с тем, что губернатор занимается не своими прямыми должностными обязанностями, а решает вопросы, которыми должен заниматься мэр, все же сможет наконец-таки прекратить эпоху дождя.

Оператор вместе с камерой искусно менял положение, находя ракурсы, в которых были замечательно видны губернатор и его электорат с обожанием в глазах. Я же ускользал от всевидящего ока, что было нетрудно.

Вдохновенная речь губернатора закончилась, и он, надев дождевик и распрощавшись с народом, сел в машину и уехал. За ним потянулись и жильцы. Остались самые закоренелые и стойкие спорщики: одни, представляли сторону парковки, другие были сторонниками бельевой сушилки. Их спор разгорелся с новой силой, поскольку из выступления губернатора так и осталось непонятно, какое же решение является правильным.

* * *

Дома я продолжил вносить данные и делать статистическую обработку. На часах было двенадцать. Позвонил Андрею. Недоступен. Тогда набрал Пашу. Тот не ответил. Жене Андрея звонить не хотелось. Оставалось ждать. Хорошо, что много работы и мне есть чем себя занять в ожидании хоть чьего-нибудь ответного звонка.

Дождь монотонно выстукивал за окном. И мне показалось, что в этом мерном и однотонном звучании я начал различать тихий шепчущий голос. Рингтон телефона заставил меня вздрогнуть. Это был Паша.

– Ты звонил?

– Да, звонил. Как там пострадавший?

– С утра вроде ничего был, а потом его опять накрыло. Сейчас в реанимации. Да не переживай ты, вытащат твоего коллегу.

– Ты уверен?

– Конечно. В понедельник уже будете общаться.

– Ну хорошо. Спасибо. Давай тогда.

– Давай, – произнес Павел и отключился.

Я остался наедине со своими мыслями. Хуже всего вот это состояние – когда все, что можно сделать, ты сделал и необходимо ждать. И это ожидание – оно самое трудное, потому что его длительность зависит не от тебя, а от чужих и незнакомых тебе людей с их достоинствами и недостатками. Именно в такие моменты я почему-то и начинаю задумываться о каких-то вопросах, о которых, наверное, не стоит думать.

Например, можно ли быть счастливым таким образом, чтобы были счастливы все? Наверное, нет, а если это и возможно, то тогда в мире были бы только счастливые люди и не было бы несчастливых. Однако этого не происходит, потому что для того, чтобы почувствовать счастье, нужно испытать несчастье. Только так можно понять, что есть что-то, приносящее радость на фоне того, что приносит грусть. Значит, у любого счастья есть цена. Цена счастья одного человека – это несчастье другого, и из этого порочного круга не выбраться никак. Поэтому каждый раз, принимая несчастья, я думаю о том, что впереди меня ждет счастье, и точно так же, будучи счастливым, надо понимать, что за это когда-то придет расплата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.